

Польская С.А.
**ПОЛЬСКИЕ КОРОНАЦИОННЫЕ ЧИНЫ (ORDNES CORONATIONES):
ВОЗМОЖНОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРОТОКОЛА ИНАУГУРАЦИИ**

21 февраля 1574 г., в день Сошествия Св. Духа в Кракове, в стенах Вавельского собора архиепископ, интеррекс и примас *Regnum Poloniae* Якуб Уханский короновал 23-летнего французского принца Генриха Валуа на польский престол: этот факт является пусть в своем роде единственным, но хрестоматийным для истории Польши.

Отклик польского политического церемониала на наиболее законченное его проявление – французскую (ранее – франкскую) традицию прослеживается при сравнении коронационных чинов (*ordnes coronationes*) обеих традиций [1, с. 12–18]. В силу целого ряда причин он являлся маркером для всей католической Европы, и Польша не стала исключением из этого правила. Но в данном случае исследовательский интерес может быть сосредоточен еще на одной возможности, которую предоставляют *ordnes coronationes*, – визуализации инаугурационной церемонии, которая очевидна среди перечня молитв и гимнов.

К концу XVI в. польский коронационный церемониал сложился в драматургию жестов и слов, соответствующих сакральной задаче теизации и на ее основе – легитимации высшей политической власти. Начало же официального протокола инаугурации в своей основе восходит к XIII в., к правлению Пржемысла II [2, р. 41–56], и пролонгируется до коронации Станислава II Августа 25 ноября 1764 г. Тем более, что Пржемысл II, происходивший из рода великопольских Пястов, в стремлении присоединить Малую Польшу, покидая ее столицу – Краков, – не устоял и увез регалии Болеслава II, хранившиеся в Вавельском замке. Среди них имелся и венец Болеслава I. Это дало Пржемыслу II легитимные основания короноваться в древнем Гнезненском соборе 26 июня 1295 г.

Что касается восприятия внешних влияний, то хранящиеся в Краковском соборе и датируемые концом XIV в. [12; 13; 14] польские *ordines* содержат не только французские ритуальные и литургические элементы. Исследователи обнаруживают в рукописях с королевским инициалом «W» (*Wladislas* – т.е. Владислав III) заимствования из немецких и даже английских чинов [17, s. 71–83, 285–307]. В XV в. некоторые дополнения были взяты из знаменитого «Понтификала» Г. Дюрана 1357 г. [9]. В итоге *ordines* стали вдвое объемнее, что связывают с коронацией Владислава III 25 июля 1434 г., церемония которой стала, в свою очередь, основой для протокола инаугурации чешский королей [15, с. 962]. Наконец, в *ordo* Владислава прослеживаются и английские параллели, равно как и заимствования от немецкого чина [13, s. 152–195].

Все описанные в них процедуры содержат и общий христианский контекст, типичный для католической традиции *imitatio Dei*. Так же, как и все относящиеся к ней монархи, польский король, прежде чем короноваться, держал пост, исповедовался и раздавал милостыню. Вполне держащейся в рамках образа власти особенностью выступает и паломничество (крестный ход) из Краковского (Вавельского) королевского замка до церкви св. Станислава, известное как «Королевская дорога». Монарху вменялось идти пешком, в полном одиночестве и молчании, что можно расценить двояко: и как акт сосредоточения на предстоящей церемонии, и как покаяние за гибель архиепископа Краковского от руки Болеслава II [3, р. 122]. Дело в том, что согласно агиографии св. Станислава (Щепановского), обвинивший архиепископа в измене Болеслав поразил его мечом, разрубив тело на куски. Однако оно чудесным образом срослось, знаменовав тем самым будущее Польши: разделенная князьями, она вновь объединится. В 1253 г. Станислав был канонизирован папой Иннокентием III и признан святым покровителем Польши.

В любом случае, этот жест смирения и самообладания становился достоянием всего города, делая фигуру короля максимально публичной и одновременно привлекательной в своем христианском смирении.

Далее, как и прочие католические монархи, польский король в молитвах проводит ночь молитвенного бдения в Вавельском соборе, а утром в сопровождении процессии из своего ближайшего окружения идет в Вавельский замок [13, s. 162, 175]. Разногласия начинаются с ритуала ожидания делегации епископов для последующего препровождения на инаугурацию – будущий монарх ждет их, облаченный по епископскому литургическому чину и сидит-полулежит не в постели, как его французские и английские «собратья», а в епископском кресле: в сандалиях, оплечье, манипуле, столе, далматике, мантии, перчатках и омофоре [13, s. 195; 5, р. 546].

Общая секуляризация восприятия королевской власти в Новое время ничуть не сказалась на этой традиции. Даже последний коронационный чин 1764 г. предписывал облачить Станислава II Августа примерно так же: в «сандалии, тунику, сорочку для хиротонеи, амик, альбу, далматiku и каппу» [13, s. 195], – ясно демонстрируя этим предельный уровень притязаний на сакральный статус его власти. Хотя исследователи не исключают, что в течение XVII в. использовалось только епископское кресло, и для Станислава II Августа было сделано исключение, учитывая политический контекст его коронации [8, р. 152–164].

Встречающему короля архиепископу Краковскому протокол предписывал подойти к королю, окропить его святой водой и обвести кадиллом, протянуть руку и помочь подняться. Дальнейшее развитие событий демонстрирует особенности польской традиции: регалии (знамя, скипетр, державу и коронационный меч [16, р. 21, 53, 61, 77, 93, 141, 158, 163]) повторяющий описание процедуры Ян Длугош предписывает Великому маршалу и его приближенным нести, высоко подняв на подушках или золотых подносах, направленными книзу: скипетр и державу – главой, меч – острием, а знамя – еще и свернутым [5, s. 33].

Особое внимание уделено коронационному мечу. Знаменитый «Щербец» считается единственной из сохранившихся до настоящего времени регалией Пястов. Легенда приписывает ему зазубрины, оставшиеся от попытки Болеслава I вонзить его в Золотые ворота Киева в 1018 г. Однако его возраст датируется только XIV в., что согласуется с данными нарративных источников, сообщающих, что он использовался на коронации Владислава I в 1320 г.

Направленные вниз регалии – это жест, демонстрирующий, что монарх еще не помазан и не коронован, так что регалии пока не принадлежат ему по праву. Они вносились в Вавельский собор и размещались на его алтаре в ходе церемонии, а король, проходя мимо высшей церковной и светской знати (приглашение иных лиц на королевскую инаугурацию не было принято, что превращало ее в сугубо элитарное зрелище), усаживался в кресло, расположенное рядом с алтарем. Из контекста коронационных чинов, которые напрямую ничего не пишут о подобном, очевидно, что посвящаемый монарх или стоит в полный рост, или преклоняет колени, или сидит.

Но недолго. Он встает, чтобы принести клятву верности Церкви, которая в лице архиепископа Краковского спрашивает мнение собравшихся и те отвечают торжественной аккламацией: «Советуем!» (*Radzi, radzi, radzi!*) [13, s. 185].

Кульминацией церемонии в обоих случаях выступало помазание. Протокол предписывает двум аббатам в митрах вынести из придела большую золотую чашу, наполненную освященным Елеем и поставить над ней навес. Взмахом правой руки архиепископ помазывает королю голову, грудь, плечи и кисти рук. *Ordo* неоднократно требует полной тишины и неподвижности от собравшихся: «Молчание!» (*Silentium! Silentium! Silentium!*) [13, s. 187–188], что наводит на мысль о не столь уж безупречном выполнении этого правила.

Далее следовало вручение регалий, первой из которых, как уже упоминалось, выступал меч, что сразу вызывает вопрос о платье короля. Протоколы не упоминают об этом, но, видимо, раздевшись для помазания, посвящаемый монарх оставался в сорочке для хиротонии и впоследствии переодевался из епископского в светский костюм. Важность этой детали в том, что первым в череде регалий вручался меч, который не приличествовал лицу в духовном одеянии. Любопытно, что *ordines* предписывают монарху не только принять меч из рук архиепископа, но и прочертить им в воздухе крест на все стороны света (*Et rex accepto ense vibrat illum*), затем вернуть в ножны и передать оруженосцу с тем, чтобы тот опоясал его с формулой «Прими меч» (*Accipe gladium*) [12, s. 211].

Затем следует вручение аналогичной с французской традицией регалии – коронационного кольца, надеваемого на безымянный палец правой руки, – и отсутствующей в ней – армиллы, надеваемой на шею и оба запястья [12, s. 210]. Армилла является редкой, но не исключительно польской регалией: ее вручение сохранилось у английских королей [11].

Процедура коронации имеет совсем иную жестуальную символику: над коленопреклоненным королем держат корону два епископа, с помощью которых архиепископ Краковский опускает ее на голову государя [12, s. 211]. Ни о каком участии магнатории польские *ordines* не упоминают, хотя, по верному замечанию А. Гейштора, иллюстративный материал (в частности, миниатюры рукописей XVI в., иллюстрирующие коронацию Яна Казимира 1649 г., позволяют предположить косвенное участие светской знати в коронации: два ее представителя держат наготове следующие регалии – скипетр и державу [7, р. 5–26].

Но все же они ритуально отделены от сферы сакрального, поэтому вавельская церемония вновь настаивает на большей теизации потестарных полномочий монарха, выводя коронацию как сугубо священническую прерогативу.

Причины этого кроются, возможно, в том обстоятельстве, что сама регалия – корона Пястов (*corona privilegiata*) – была утрачена. Она приписывалась Болеславу I, впервые увенчанного ею в 1025 г. Однако в 1036 г. она была увезена в Германию невесткой Болеслава Рыксой Лотарингской. Изготавливаемые копии нередко становились предметом усобиц в борьбе за престол. В 1320 г. была сделана новая реплика короны, но Людвик Венгерский (Лайош I), опасаясь усобиц, вывез все регалии Пястов (корону, державу, скипетр и меч) в г. Буду – столицу своего объединенного польско-венгерского государства. Они вернулись в Краков только в 1412 г. усилиями Владислава II Ягелло и помещены в церкви св. Марии [5, s. 144].

Завершая обзор, следует заметить, что в XVI в. корона видоизменилась: она была увенчана двумя скрещенными арками с шаром и крестом на навершии, что символизировало единство Речи

Посполитой. Однако при ее третьем разделе *corona privilegiata* была конфискована Пруссией и переплавлена в 1811 г. в условиях планов Наполеона Бонапарта относительно Польши [4, p. 37–60].

Эти перипетии позволяют исследователям с уверенностью утверждать существование многочисленных реплик *corona privilegiata*, изготавливаемых как по практическим причинам во время ее отсутствия, так и из суеверных соображений во время ее недолгого пребывания в Польше [6; 15, s. 957; 7, p. 5–26]. В подобных условиях санкция исключительно со стороны Церкви в ритуале коронации была совершенно оправдана.

Возвращаясь к последующему проведению инаугурации, заметим, что ее дальнейшее развитие повторяет типичные ритуалы католического мира: евхаристия короля хлебом и вином, «поцелуй мира» с епископом в знак союза государства с церковью и интронизация (хотя исследователи не исключают, что в течение XVIII в. использовалось только епископское кресло и для Станислава II Августа было сделано исключение, учитывая политический контекст его коронации).

Двойная евхаристия, наличествующая только священникам, – *super oblata* – более чем явно подчеркивает исключительный статус государя как мирянина и посвященное лицо одновременно: «затем король целует Евангелие и рукой архиепископа причащается хлебом и вином» [12, s. 212]. Затем краковские *ordines* указывают монарху, чтобы он взшел по ступенькам на трон при содействии епископов, архиепископ Вавельский усаживает его на трон, произнеся «*Sta et retine*», дает ему поцелуй мира («*paх tecum*», «*osculum pacis*») и после мессы провозглашает его королем, трижды восклицая «*Vivat rex!*», что трижды повторяется присутствующими [12, s.212].

В итоге польские коронационные чины в достаточной мере позволяют визуализировать инаугурационную церемонию, которая отличается двумя во многом противоречивыми чертами: она более архаична в исполнении светских ритуалов (например, приветственных аккламациях или реальных символах), но подчеркнуто сакральна, обряжая короля по епископскому литургическому чину, практически исключая магнатию их участия в ритуалах и нарочито подчеркивая роль церкви в легитимизации власти монарха, получающего право двойной евхаристии.

1. Польская, С. А. «Osoba panska umiera, korona nie umiera»: французские коннотации польского политического церемониала / С. А. Польская // Российско-польский исторический альманах. Вып. VIII / отв. ред. С. А. Польская. – Ставрополь-Волгоград : Изд-во СКФУ, 2016. – С. 12–18.
2. Buchwald-Pelcowa, P. Censorship and the fight against it in the Baroque period / P. Buchwald-Pelcowa // Acta Poloniae Historica. – 2007. – Vol. 95. – P. 41–56.
3. Calendarium Romanum. – Vaticana : Libreria Editrice Vaticana, 1969. – 400 p.
4. Dalewski, Z. Ceremonial koronacyjny królów polskich w XV i początkach XVI wieku / Z. Dalewski // Kwartalnik Historyczny. – 1995. – Vol. 102. – № 3–4. – S. 37–60.
5. Dlugossius, J. Historica Polonica / J. Dlugossius // Joannis Dlugossii Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia / ed. A. Przedziecki. – Vol. 1. – Cracoviae : Ex Typographia Kirchmajeriana, 1873. – 565 s.
6. Estreicher, K. The Mystery of the Polish Crown Jewels / K. Estreicher. – London : Alliance Press, 1945. – 25 p.
7. Gieysztor, A. «Non habemus Caesarem nisi regem»: La couronne fermée des rois de Pologne à la fin du XVe et au XVIe siècle / A. Gieysztor // Bibliothèque de l'École des chartes. – 1969. – Vol. 127. – № 127 (1). – P. 5–26.
8. Gieysztor, A. Gesture in the Coronation Ceremonies of Medieval Poland / A. Gieysztor // Coronations Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / ed. by J. M. Bak. – Berkeley-Los Angeles-Oxford : University of California Press, 1990. – P. 152–164.
9. Koronacje królów i królowych w Polsce. imprint. – Warszawa : F. Hoesick, 1918. – 22 s.
10. Kutrzeba, S. Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego / S. Kutrzeba // Przegląd Historyczny. – 1911. – № 2. – Vol. 12. – S. 149–164.
11. Nelson, J. L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe / J. L. Nelson. – London : Hambledon Press, 1986. – 412 p.
12. Ordinatio caerimoniarum in coronationibus reginarum Poloniae observandum / ed. O. Balzer // Corpus iuris Polonici. – Vol. 3. Annos 1506–1522 continens. – Cracoviae : Sumptibus Academiae Litterarum, 1906. – S. 208–212.
13. Ordo coronandi Regis Poloniae / wyd. S. Kutrzeba // Archiwum Komisji Historycznej. – T. 11. – Krakow, 1909–1913. – S. 152–195.
14. Ordo coronandi regis Poloniae / wyd. S. Kutrzeba. – Krakow : Nakładem Akademii Umiejetnosci, 1910. – 88 s.
15. Schramm, P. E. Das polnische Königtum / P. E. Schramm // Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. – Vol. 3. – Stuttgart : A. Hiersemann, 1956. – S. 939–962.
16. Swoger, G. The Strange Odyssey of Poland's National Treasures, 1939–1961 / G. Swoger. – Toronto : Dundurn, 2004. – 214 p.

Рубинина З.М.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОИСТОЧНИКА ФОТОДОКУМЕНТА

Поскольку представления о фотографии как историческом источнике развивалось по преимуществу в тесной связи с архивоведением, традиционно подчеркивается ценность негатива-оригинала как первоисточника фотографического изображения. С одной стороны, это представляется несомненным, с другой – фотографический позитив играет в некоторых случаях роль, которой стоит уделить внимание. Не претендуя на полноту, коротко охарактеризую некоторые проблемы в рамках заявленной темы.

Согласно общепризнанной точке зрения, сформулированной В.М. Магидовым: «...в качестве первоисточника (фотодокумента – З.Р.) обычно выступает авторская съемка, не подвергнутая никаким техническим, композиционным и другим изменениям» [5, с. 233]. Во многих случаях это так, но